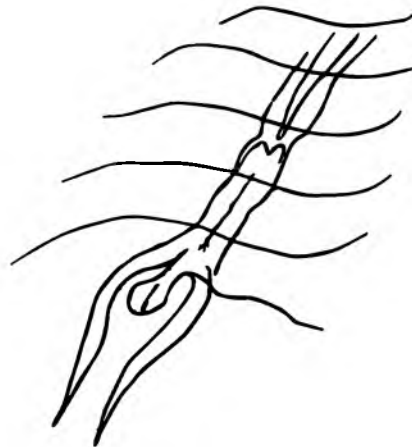

84(2=411.2)6
К63

Сергей Комаров

СОЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

84(2=4+4.2)6
К 63

Сергей Комаров

Памяти Геннадия Степановича Райшева
посвящается

СОЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

180303/3

Тюмень, 2020

УДК 821.161.1"20"
ББК Ш44(2=411.2)6-5
К630

Комаров Сергей. Сочинительная связь: книга стихов.
Тюмень: «Печатник», 2020. 28 с.

Новая книга стихов Сергея Комарова включает тексты, написанные во второй половине 2019–2020 годов, и является завершающей частью тетралогии («Изречие» (2015), «Медленнее» (2016), «Братия» (2018)).

В оформлении обложки и разделов книги использованы рисунки Г. С. Райшева, сделанные им к предыдущим частям тетралогии.

ISBN 978-5-4266-0188-8

Отпечатано в типографии ООО «Печатник»
Тюмень, ул. Республики, 148, корп. 1/2
Тел. (3452) 20-51-13, тел. / факс (3452) 32-13-86

Тираж 1000 экз. Зак. № 0212

ISBN 978-5-4266-0188-8

© Комаров С. А.
© Райшев Г. С., рисунки
© Граник С.-М., оригинал-макет

СОДЕРЖАНИЕ

I ОКИНУЛ ИЗМЕРЕНИЕМ

«Ходят энергий громады...» 6

«Обнявши цифру...» 8

II РОДИНА ВСЁ ЖЕ

«Красное печенье...» 10

«Мне показалось...» 13

«У Бога получился Рафаэль...» 15

III ПРИЖАВШИСЬ СРЕДЬ МИРА

«Пересыпав песок из ладони в ладонь...» 18

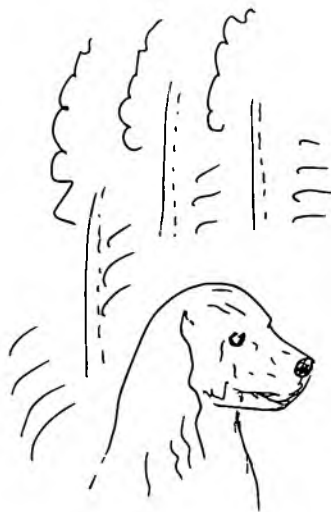
«Ты устал и лёг...» 19

«Хотеть человека – всего, без остатка...» 20

«А как же тебе – на то нету ответа...» 22

IV В ЛИЦО ПОЧТИ

«На косяке твои зарубки...» 26

**ОКИНУЛ
ИЗМЕРЕНЬЕМ**

Ходят энергий громады
через безвременные пространства,
через огнедыхательны ады,
через космоса пыльные ранцы,
знают и цепи и циклы,
их хаос смертелен, но сущен.

А прямоходящий, как циркуль,
ещё без повязки на суше,
ещё с горловыми мешками,
но ищет безопытно слова,
шлифует свой камень о камень
и красок он скоблит в основу –
прекрасного чувства находчик,
увидел себя он в природе,
в итоге: задумал про Отче,
про род и пропел о народе.

Он знает про сушу и воды,
про огонь и ветро́вую силу,
про тысячелетья и годы,
про веру, закон и могилу.
Он лучший и, видно, последний
млекопитающий умник.

А день за окном хмуролетний,
без солнц замещающих унций.
И краски серы, как овечки,
плывущие по́ небу вяло –
хвораешь, товарищ – вставь свечку
и спрячься под одеяло.

Обнявши цифру, охватил он реки
и океан окинул измереньем,
и, задохнувшись этим новым зреньем,
смежил на ложе одиноко веки.

Обнявши цифру, он взошёл на гору,
расчислил ветер, измерил низь и выси,
и на вершине богу знаки высек,
и птиц подножных предал враз позору.

Обнявши цифру, он в леса спустился,
был околдован и объят древами,
шептал сердечный: с вами – вами –
вами,
и между ног стволился и ветвился.

Обнявши цифру, возлежал младенцем,
так непорочен, одинок на ложе,
теперь он чист и дух его умножен,
и знает он чем кончить в полотенце,
обнявши цифру.

РОДИНА ВСЁ ЖЕ

Красное печенье,
и спиною к двери –
лифт.

Сирота-мальчик,
на какой хочешь,
жми.

Вот и минус-тридцатый –
хочешь?
Ниже ещё –
хочешь?

Я хочу ниже –
минус-сто пятый
нам.

Оставь их руины –
Кавафис, Лорка,

Оден, Целан,
Элиот.

Вер-тикаль-минус,
можно и дальше –
не бзди.

Между нами двенадцать –
лет, сантиметров, стволов.
Между ручкой и клавиатурой –
тыкал, натыкал,
не дрефь.

Родина, мальчик,
с красным печеньем.
Домик вверху
у воды.

Охоты на уток уж нет,
охотники перевелись,
а руки, хоть пьют, не дрожат,

только вода,
если под лодкой,
рябит.

Спрячь свой винчестер,
сирота.
В лифте не принято в дядьку
тыкать железом –
забыл?

Я постелю и согрею –
не стройся визгливою девкой,
скоро наш домик,
пацан.

А сказки – они все лесные,
и Маша с медведем живёт.
Рыбак ходит к рыбке на море,
черти в метро, в небе утки.
Родина всё же,
браток.

*«Показалось, что встретил брата»;
«После любви и зверь печален»
(А. Т. Драгомощенко)*

Мне показалось,
что ты подошёл ко мне.
Мне показалось,
что всё как прежде,
что жизнь удалась
и я ещё напишу
новую книгу,
что хватит энергии нам
на пару десятков текстов,
а иначе зачем...

Мне показалось,
что я
перестал узнавать
и забыл алфавит,
помню первые десять
иероглифов,

считаю до десяти,
мне показалось,
что ветер
дерево вырвал с востока
и всадил его в яму мою.

Вишну, Конфуций и Третий –
мне показалось,
что помнят
какие-то древние знаки
и звуки, закрытые в них,
и знают, как прежде, изречье
единое пятой стихии
и будут его диктовать.

Открой свой последний букварик,
расслабься и просто пиши.
Мне показалось...

У Бога получился Рафаэль,
и Микеланджело, и Бах,
Шекспир и Чехов,
Платон, Конфуций, Босх –
и, будто съехав
с дороги, потерял Он цель.
А цель была –
задуман человек,
и Будда, и Христос, и Мухаммад,
и Менделеев –
будто спали с век
в глаза ресницы,
будто слёзы всех
закрыли мир.

Идеи разошлись с творением –
лепилась жизнь усталыми руками,
вслепую и без говорения:
и вот она, и вот мы таковы,
и наша плоть безлична, точно камень
среди листьев обескровленной травы.

ПРИЖАВШИСЬ СРЕДЬ
МИРА

Пересыпав песок из ладони в ладонь,
Остужая его после знойного дня,
Отвернув лицо в горизонт,
Скажи мне «да».

Все, кто были, ушли и молчат,
Все, кто были с тобой, – твоё,
Все, кто будут после меня – твои,
Скажи мне «да».

Я пришёл на этот берег и жду,
Ладонь разожми и сбрось
В ноги песок, пойдём.
Скажи мне «да».

Хотеть человека – всего, без остатка.
Откуда растрата, рассрочка, нехватка?
Хотеть эти руки, летящие в воздух.
Хотеть эти ноги, идущие возле.
Хотеть эту спину, несущую плечи,
Хотеть эти ноздри, слепящие речи,
И профиль, и юмор, опущенный в вечер,
И всё, что на после, и всё, что не легче,
И всё, что минута и день – не неделя,
И всё, что уже никогда не поделим.
И всё, что сгорит между нас без остатка,
И всё, что не жалко, оцепим оградкой,
И в память не вложим, сомнём без украдки,
Проедем катком, утвердимся в порядке.

Что ноги взлетали, шагавшие возле,
Напомнят в альбомах забитые гвозди.
Хотеть человека на грани проклятья,
Оттуда пришли мы как сёстры и братья.
Любимы и встречны, чисты и невинны,
Хотеть эти руки, и ноги, и спины,
И всё, что на после, и всё, что не легче,
То нас оправдает, пройдёт и излечит.

А как же тебе – на то нету ответа.
Уходит ещё одно жаркое лето,
пятое лето сестры моей – жизни,
как кольца продето сквозь ливень. Скажи мне,
о чём мы молчали, прижавшись средь мира,
о чём этот ливень, несущийся мимо,
о чём этот взгляд, пробивающий стену,
о чём этот смех, торопящий гангрену,
где ноги сгорят и отпилены будут,
где руки сгорят, почернеют и будто
обхватят, оставшись ещё в полумраке,
соседи причмокнут, завоют собаки
на улице, что им людское увечье,
у них перекличка своя и без встречи.

А как же тебе – скажет лето устало:
«только этого мало, только этого мало».
Но боги спасут своего Ганимеда
в прохладе высот после жаркого лета.
У них, у богов, золотые сюжеты
и кольца свои через лето продеты.
А осень обхватит тебя листопадом,
сгорит, обнажится и будет как надо:
среди чёрных стволов без тепла и уюта
последнего счастья пребудет минута.
Привидится лик твоего Ганимеда,
его над тобою беда и победа,
его птицекрылый наперсник, они
среди снегов и бурь намаячат огни,
и ты поведёшься, влеком как солдат,
поняв, что снега ещё жарче горят.
И нету дороги назад из снегов,
в них сон и погибель, к которым готов.

А ранней весной позовёт Ганимед,
и будешь готов ты на лучший ответ.
Уткнувшись в его белоснежную спину,
ты вытопишь почву в гончарную глину.
И руки пройдут в идеальный сосуд,
и вина всклокочут, и семя взойдут.

В ЛИЦО ПОЧТИ

На косяке твои зарубки
я помню, мама, до сих пор.
А чернокожий мальчик не поймёт,
о чём вообще ведётся разговор,
кто был зарублен, кем, когда,
ужели мамой, и неоднократно,
и в хижине, у хижины – косяк!
Косячил я – и накосячил жизнь.

Протягивал к ней руки, теперь ноги
послушно протяну, но без любви.
И будут приходить ко мне в оградку,
не часто, но уже нельзя обидеть,
того, кто там лежит и не вздыхает
о том, что состоялось и прошло.
Вернётесь и натрёте руки мылом
и будете смывать его неспешно,
и думать в это время о другом –
о близком предстоящем, я же знаю,
мы все такие деловитые, нас ждут,
и мы спешим, о чём-то ясно вспомнить,
сделать, успеть, не отрешаясь от живых,
нам говорящих что-то и невнятно,
но напрямую и в лицо почти.

Так это убедительно выходит –
и день за днём, и жизнь за жизнью,
даже не напрасно, и пожалеть нельзя,
и зарубить нельзя, хотя б на косяке.

Заказ № 12033. Тираж 1000 экз.

Изготовлено в типографии ООО «Печатник»
625000, Тюменская область, город Тюмень,
ул. Республики, д. 148, корпус 1/2.
Тел.: (3452) 20-51-13 E-mail: 929056@mail.ru

